

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 64–72

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 64–72

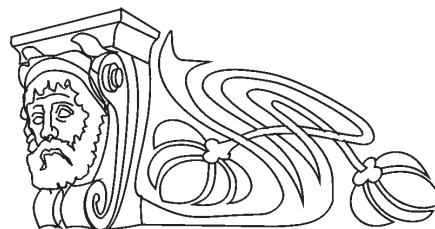
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-1-64-72>, EDN: MBQKPD

Научная статья

УДК 340

Центумвиральный суд и его практика в делах о наследстве: к вопросу о прецеденте в римском праве

Д. Г. Татарников

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Татарников Дмитрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права, demetriost@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7953-3886>

Аннотация: Введение. Практика суда центумвиров (*centumviri*) в делах о завещаниях оказала огромное влияние на развитие институтов римского права, причем как материального, так и процессуального, в целом продемонстрировала роль судебного решения в развитии правовой системы и показала, что прецедент в Риме зачастую выступал в качестве основания для вынесения вердикта. **Теоретический анализ.** Влияние судебной практики центумвиров на развитие римского права в делах о наследстве можно объяснить специфическим правовым положением суда в Риме, которое основывалось на его публичном характере. Суд всегда возглавляли либо магистраты (*questores*, *praetor hastarius*), либо лица, наделенные публичной властью в силу своего положения (*decemviri in litibus iudicandis*, *magistratus qui hastae*), поэтому в своих решениях по делам о наследстве центумвиры могли действовать, дополняя гражданское право и в некоторых случаях даже исправляя его. **Эмпирический анализ.** Благодаря практике суда поддерживался принцип «*sui heredes instituendi vel exheredandi*», была сформулирована мысль о праве близких лиц на действительное участие в наследовании путем выработки юридических принципов – своеобразной фикции: завещания, противоречащие долгу, вытекающему из родственной любви (*officium pietatis*), считались составленными завещателями будто бы не в здравом уме (*quasi non sanae mentis fuerunt, ut testamentum ordinarent*) и признавались недействительными. Практикой суда было сформулировано понятие обязательной доли (*portio debita*) и по аналогии с «фальцидиевой четвертью» определен ее размер. Кроме того, практика суда стала основанием возникновения нового процессуального средства защиты обойденных наследников – *querella* (*accusatio*) *inofficiosi testamenti* и, возможно, формулировки юридической формы Аквилы Галла (*postumi Aquiliani*). Наконец, с деятельностью суда связано разрешение борьбы между словами (*verba*) и намерениями сторон (*voluntas*), которая проходит через всю римскую юриспруденцию. **Результаты.** Формулировка новых правовых принципов происходит в ходе судебного процесса, а их закрепление осуществляется путем вынесения центумвирами решений по определенным делам, которые, по всей видимости, имеют силу прецедентов и формируют однотипную судебную практику, по крайней мере, в делах о наследстве, связанных с нарушающими нравственный долг завещаниями.

Ключевые слова: Суд (коллегия) центумвиров (*centumviri*, *centumviralia iudicia*), прецедент (*exemplum*), юридическая аргументация, правовые принципы, принципы необходимого наследования, *sui heredes instituendi vel exheredandi*, *portio debita*, *officium pietatis*, *color insaniae*, *querella* (*accusatio*) *inofficiosi testamenti*

Для цитирования: Татарников Д. Г. Центумвиральный суд и его практика в делах о наследстве: к вопросу о прецеденте в римском праве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 64–72. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-1-64-72>, EDN: MBQKPD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The Centumviral Court and its practice in inheritance cases: The issue of precedent in Roman law

D. G. Tatarnikov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Dmitriy G. Tatarnikov, demetriost@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7953-3886>

Abstract. Introduction. The practice of the *centumviri* court in probate cases had a huge impact on the development of the institutions of Roman law, both substantive and procedural: in general, it demonstrated the role of the court decision in the development of the legal system and showed that the precedent in Rome often acted as the basis for a verdict. **Theoretical analysis.** The influence of the judicial practice of the *centumviri* on the development of Roman law in inheritance cases can be explained by the specific legal position of the court in Rome, which was based on its public character. The court was always headed either by magistrates (*questores*; *praetor hastarius*) or by persons endowed with public authority

by virtue of their position (*decemviri in litibus iudicandis*; *magistratus qui hastae*), therefore, in their decisions on inheritance cases, *centumviri* could act by supplementing civil law and, in some cases, even correcting it. **Empirical analysis.** Thanks to the practice of the court, the principle of “*sui heredes instituendi vel extenedandi*” was supported, the idea of the right of close persons to actually participate in inheritance was formed by developing legal principles – a kind of fiction: wills contrary to the duty arising from kindred love (*officium pietatis*) were considered drawn up by testators as if not in their right mind (*quasi non sanae mentis fuerunt, ut testamentum ordinarentum*) and were declared invalid. The court’s practice formulated the concept of a mandatory share (*portio debita*) and, by analogy with the “*falcidian quarter*”, its size was determined. In addition, the court’s practice became the basis for the emergence of a new procedural remedy for bypassed heirs – *querella* (*accusatio inofficiosi testamenti*) and, possibly, the formulation of the legal form of *Aquilia Galla* (*postumi Aquiliani*). Finally, the resolution of the struggle between the words (*verba*) and the intentions of the parties (*voluntas*), which runs through the entire Roman jurisprudence, is connected with the activity of the court. **Results.** The formulation of new legal principles takes place during the judicial process, and their consolidation is carried out by making decisions by *centumviri* in certain cases, which, apparently, have the force of precedents, and form the same type of judicial practice, at least in inheritance cases involving wills that violate moral duty.

Keywords: *Centumviri Court* (*collegium*), *sentumvitalia iudicia*, precedent (*exemplum*), legal argumentation, legal principles, principles of necessary inheritance, *sui heredes instituendi vel extenedandi*, *portio debita*, *officium pietatis*, *color insaniae*, *querella* (*accusatio inofficiosi testamenti*)

For citation: Tatarnikov D. G. The Centumviral Court and its practice in inheritance cases: The issue of precedent in Roman law. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 64–72 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2025-25-1-64-72>, EDN: MBQKPD

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

На сегодняшний день в отечественной литературе связывать судебный прецедент с правом Древнего Рима не принято. Между тем в нашем распоряжении есть целый ряд источников, позволяющих говорить о значении судебной практики и о роли судебного прецедента в становлении и развитии римского права. К ним можно отнести папирусные протоколы судебных процессов римского Египта периода I–III вв., в которых участники процессов чаще ссылаются на вынесенные ранее судебные решения, чем на эдикты или рескрипты; знаменитый рескрипт Септимия Севера (*Callist.*, 1 quaest. D. 1.3.38) и целый ряд свидетельств Цицерона (*Cic. Top.* 5.28; *De orat.* II.27.116), Квинтилиана (*Quint. Inst.* V.1.1–2; 2.1–5), Псеудо Аскония (*Ps. Ascon. Div. in Caes. P.* 190. 9. § 12) и Гая Юлия Виктора (*Iul. Victor Ars Rhet.* § 6 *De praeiudiciis*) [1, с. 106].

В качестве важного источника в этом ряду, думается, может быть рассмотрена и практика суда центумвиров (*centumviri*) в делах о завещаниях. Кроме того, вопрос деятельности центумвирального суда сам по себе достаточно интересен и вызывает много споров среди исследователей, а в отечественной литературе практически не освещен.

Теоретический анализ

Центумвиральный суд – это судебная коллегия по делам гражданского права. Время возникновения этого суда вызывает дискуссию.

М. Войгт относил появление коллегии центумвиров к эпохе царей [2]. О достаточно раннем времени возникновения суда говорит большая группа исследователей – Ф. Боцца [3, s. 1 и др.], Джузеппе Луццатто [4, f. 243 и др.], Ф. Ла Роза [5]. Указывая на присутствие нарочитых «архаизмов» в работе центумвирального суда – сохранившуюся даже после вступления в силу закона Юлия о частном судопроизводстве (*lex Iulia iudiciorum privatorum*) легисакционную форму ведения процесса, использование копья как символа преторской власти, – они считают, что суд появился задолго до принятия закона Эбуция, т. е. гораздо раньше первой половины II в. до н.э.

По мнению Т. Моммзена [6, S. 196], коллегия центумвиров возникла только после 241 г. до н.э. по аналогии с уже существовавшей до нее коллегией децемвиров (*decemviri litibus iudicandis*).

М. Влассак считал [7], что суд центумвиров возник около 149 г. до н.э., по аналогии с появившимися в этом году согласно закону Кальпурния (*lex Calpurnia de repetundis*) судебными коллегиями по делам уголовного права (*quaestiones publicae*).

В III в. н.э. суд, как кажется, прекращает функционировать, по крайней мере, именно к этому периоду относятся последние достоверные сообщения Ульпиана (*Dig.* 5.2.8.14) и Павла (*Dig.* 5.2.17) о работе центумвиров [8].

Согласно сообщению Феста (*Centumvitalia iudicia a centumviris sunt dicta. Nam cum essent Romae triginta et quinque tribus, quae et curiae sunt dictae, terni ex singulis tribubus sunt electi ad*

iudicandum, qui centumviri appellati sunt: et, licet quinque amplius quam centum fuerint, tamen quo facilius nominarentur, centumviri sunt dicti; Fest. III. Centumvitalia iudicia), состав суда изначально состоял из 105 человек, по три человека от каждой из 35 римских триб, видимо, поэтому, как пишет римский грамматик, за судом и закрепилось его название [9, p. 47].

Однако Ф. Ла Роза отождествляет суд центумвиров с древнейшим сенатом Ромула [5, p. 20], который насчитывал именно 100 человек (Liv. 1.8), увеличение судей до 105 человек называет позднейшей реорганизацией и связывает с увеличением числа триб с 30 до 35, произошедшем в 241 г. до н.э. Во времена Трояна количество судей увеличилось до 180 (Plin. Ep. I.18.3) [10].

С уверенностью можно утверждать, что со времени Августа в центумвиральном суде председательствовала коллегия децемвиров (decemviri in litibus iudicandis), кто возглавлял суд до эпохи Августа – вопрос дискуссионный. В этой связи принято ссылаться на первую книгу дигест (deinde cum esset necessarius magistratus qui hastae praeessent, decemviri in litibus iudicandis sunt constituti; Dig. 1.2.2.29) [8], текст которой дает некоторые основания утверждать, что децемвиры и магистрат под копьем (magistratus qui hastae praeessent) изначально руководили работой суда центумвиров.

Символика копья прочно закрепилась за судом центумвиров – копье выставлялось на форуме в ходе судебных заседаний как символ квинтильской собственности, а, может быть, еще и как символ публичной власти. Со времени Тиберия судом руководил специальный магистрат – так называемый претор у копья (praetor ad hastam; praetor hastarius).

Т. Моммзен пишет [6, S. 197], что уже в республиканскую эпоху суд заседал в составе трех комиссий, полный состав суда собирался, по мнению ученого, только при рассмотрении особенно важных дел. Согласно Плинию (Plin. Epist. I.18.3; IV.24.1; VI.33.3) [10], во времена Трояна принцип работы суда оставался прежним – суд также работал в составе комиссий (consilia, tribunalia, iudicia), правда, уже четырех, но для особо важных дел собирался в полном составе.

Юрисдикция суда в период Республики была обширной. Цицерон сообщает, что в центумвиральных тяжбах разбираются узаконения о давности, об опеках, о родстве родовом и

кровном, о намывных берегах и островах, об обязательствах, о сделках, о стенах, о пользовании светом, о капели, о действительных и недействительных завещаниях и о множестве других тому подобных вопросов (iactare se in causis centumviralibus, in quibus usucapionum, tutelarum, gentilitatum, agnationum, alluvionum, circumluvionum, nexorum, mancipiorum, parietum, luminum, stillicidiorum, testamentorum ruptorum aut ratorum, ceterarumque rerum innumerabilium iura versentur; Cic. De or. I.38.173) [11, p. 118]. Однако с течением времени и особенно с эпохи принципата суд рассматривал, главным образом, дела о недействительных завещаниях.

Форма процесса в центумвиральном суде всегда была только легисакционной (Gai. Inst. IV.31) даже после закона Юлия о частном судопроизводстве (*lex Iulia iudiciorum privatorum*). На первой стадии процесса стороны приносили сакраментальную присягу (sponsio praeiudicialis) и вносили залог. Сумма залога, согласно закону Креперия (*lex Crepereia*), равнялась 125 ассам [12, S. 1110]. По сообщению Квинтилиана (ut alia apud centumviros, alia apud privatum iudicem in iisdem quaestionibus ratio; Quint. Inst. or. V. 10.115) [13], в завершение первой стадии процесса (in iure) магистрат решал, кому передавать дело на рассмотрение по существу – либо суду центумвиров, либо частному судье. Насколько конкуренция центумвирального суда с частным судьей была распространена в период Республики и была ли, вообще говоря, возможна – на эти вопросы точный ответ дать сложно.

Имеющиеся в нашем распоряжение источники позволяют утверждать, что в центумвиральном суде, в ходе разбирательства дела по существу, сложилась устойчивая практика ссылаться на прецеденты как на аргумент в судебном процессе, и, видимо, в этих случаях прецедент мог выступать в качестве основания для вынесения вердикта. Цицерон в трактате «Об ораторе» пишет (num destitit uterque nostrum in ea causa in auctoritatibus, in exemplis, in testamentorum formulis, hoc est, in medio iure civili versari? Cic. De or. I. 39.180) [11, p. 124], что в деле Мания Курия и Марка Копония представители сторон, которыми в процессе были известнейший оратор Луций Красс и выдающийся юрист Квинт Муций Сцевола, ссылались на авторитеты толкователей (in auctoritatibus), на примеры сходных случаев (in exemplis, т. е. прецеденты) и на виды завещательных формул (in testamentorum formulis).

Эмпирический анализ

Тяжба Мания Курия и Марка Копония, состоявшаяся во второй половине 90 г. до н.э., интересна не только тем, что в ней примеры сходных случаев ставятся в один ряд с другими источниками права. Известные отечественные романисты И. Б. Новицкий и И. С. Перетерский отмечают значимую роль этого дела в развитии всего римского права [14, с. 256–258]. Обращая внимание на частое несоответствие или даже противоречие между внешним выражением и действительной волей сторон в завещании или договоре, ученые подчеркивают, что «борьба между словом и волей стороны проходит через всю классическую юриспруденцию» [14, с. 257], а началом этой борьбы считают *causa Curiana* (Cic. *De or.* I.39.180 [11, р. 124]; I.57.242–245 [11, р. 174–176]; II.6.24 [11, р. 215]; II.32.140 [11, р. 297–298]; II.54.220–223 [11, р. 361–362]; Brut 39.144 [15, р. 126]; 52.194–53.199 [15, р. 164–168]; Тор. 10.44 [16]).

Дело началось по иску Марка Копония, здесь, видимо, речь шла о гражданском иске *petitio hereditatis*, на который были уполномочены только гражданские наследники. Иск *petitio hereditatis*, как кажется, был составлен либо Аппием Клавдием и содержался в знаменитой книге, обнародованной Гнеем Флавием (*Ius Flavianum*), либо был сформулирован позже Секстом Элием и содержался в его книге исковых формул (*Ius Aelianum*) (Dig. 1.2.2.7) [8].

Копоний пытался опротестовать завещание, составленное в пользу Мания Курия. В завещании было сказано, что, если у завещателя после его смерти родится сын и этот сын умрет, не достигнув совершеннолетия, то наследником будет Курий. Данная оговорка в завещании сама по себе весьма примечательна, поскольку схожа с юридической формой Аквиллия Галла (*postumi Aquiliani*), которая была выработана для сохранения завещания в силе в случае рождения постума (*postumi*) [17, с. 513]. Можно предположить, что появление этой формы стало также следствием данного дела.

Защищая Копония, Муций Сцевола утверждал, что следует придерживаться буквального текста завещания и «что опасно для народа, когда пренебрегают точным смыслом написанного, но наобум гадают о намерениях писавшего и слова простых людей извращают истолкованиями краснобаев» (*quam captiosum esse populo, quod scriptum esset negligi et opin-*

ione quaeri voluntates et interpretatione disertorum scripta simplicium hominum pervertere? Cic. Brut. 52. 196) [15, р. 164].

Красс же в этом деле «встал на защиту благой справедливости, призвал уважать мысли и намерения завещателя, показал, как опасно блуждать слова, забывая о мыслях, будь то в завещании или где бы то ни было, и подивился, какую власть присваивает себе над всеми Сцевола, запрещая отныне составлять завещания иначе, чем ему благоугодно» (*deinde aequum bonum testamentorum sententias voluntatesque tutatus est: quanta esset in verbis captio cum in ceteris rebus tum in testamentis, si neglegerentur voluntates; quantam sibi potentiam Scaevola adsumeret, si nemo auderet testamentum facere postea nisi de illius sententia*; Cic. Brut. 52. 198) [15, р. 166].

И. Б. Новицкий и И. С. Перетерский предлагают проследить по источникам противопоставление двух толкований в развитии права. Ученые выделяют традицию, восходящую к Крассу, – «ведь при куплях и продажах надо больше следовать тому, что имелось в виду, чем тому, что сказано» (пер. А. Д. Рудокваса, И. С. Перетерского) (*in emptis enim et uenditis potius id quod actum, quam id quod dictum sit sequendum est...*; Помпоний; Dig. 18.1.6.1) [8], и традицию, восходящую к Сцеволе, – «если завещатель отказал одному поместью, а другому – узужрукт на это же поместье, то он совершает ошибку, если сделал (это) с тем намерением, чтобы один из них имел только голую собственность. Ведь при исключении узужрукта завещать по легату собственность ему следует таким образом: “Я завещаю Тицию по легату поместье, за исключением узужрукта”, либо: “Пусть наследник даст Сею узужрукт на это же поместье”. Если он этого не сделает, то узужрукт будет для них общим, поскольку иногда запись имеет больше силы, чем намерение» (пер. А. М. Сморгочкова) (*Si alii fundum, alii usum fructum eiusdem fundi testator legauerit: si eo propositio fecit, ut alter nudam proprietatem haberet, errore labitur. Nam detracto usu fructu proprietatem eum legare oportet eo modo: “Tito fundum detracto usu fructu lego: uel Seio eiusdem fundi usum fructum heres dato”. Quod nisi fecerit, usus fructus inter eos communicabitur, quod interdum plus ualet scriptura quam peractum sit*; Модестин Dig. 33.2.19) [18, р. 109].

По мнению советских исследователей, в конечном счете торжествует точка зрения, отдающая предпочтение намерению сторон. В качестве доказательства своей правоты уче-

ные приводят слова Папиниана как в отношении завещаний, так и в отношении договоров.

По мнению римского юриста, «в отношении условий завещательных распоряжений нужно принимать во внимание скорее волю (завещателя), чем слова» (пер. А. Д. Рудокваса) (... in conditionibus testamentorum uolentatem potius quam uerba considerari oporteat; Dig. 35.1.101) [18, p. 198].

В отношении договоров Папиниан пишет: «Установлено, что в соглашениях в большей мере принимается во внимание воля контрагентов, нежели их слова» (пер. Л. Л. Кофанова) (In conuentionibus contrahentium uoluntatem potius quam uerba spectari placuit; Dig. 50.16.219) [18, p. 952].

Впрочем, разрешение борьбы между *verba* и *voluntas* – значимый, но не единственный результат деятельности суда центумвиров. Основное влияние решения этого суда оказали на развитие наследственного права. Суд своими решениями ограничил свободу завещательных распоряжений и, выражаясь словами И. А. Покровского, сформулировал принципы необходимого наследования как формального, так и материального.

По мнению Л. Ди Лелла, тот принцип, что лица, подчиненные отеческой власти наследодателя, при составлении завещания должны быть либо назначены наследниками, либо определено быть лишенными наследства (*sui heredes instituendi vel exheredandi*, Tit. Ulp. 22.14), являлся основанием практики центумвирального суда [19, p. 78–85]. В этой связи уместно вспомнить знаменитое «дело воина», которое как весьма значимое упоминается Цицероном (Cic. De or. I.38.175) [11, p. 122], а затем, почти через сто лет, Валерием Максимом (Val. Max. 7.7.1) [20].

Получив ложное известие о гибели сына, отец изменил завещание, назначив других наследников, и вскоре умер. Сын, вернувшись с военной службы, начал искать наследство как сын, устранный от наследства по завещанию (*testamento exheres filius*). По словам Цицерона, в этом деле решался вопрос «может ли сын считаться устранным от отцовского наследства, если отец не поименовал его в завещании ни как наследника, ни как лишенного наследства» (*possetne paternorum bonorum exheres esse filius, quem pater testamento neque heredem neque exheredem scripsisset nominatim*; Cic. De or. I. 38.175) [11, p. 122].

Дело было начато иском *petitio hereditatis*, такого мнения придерживается Дж. Джулина, подробно разобравший этот юридический казус в своей работе [21]. Однако в связи с этим делом возникает вопрос: если принцип *sui heredes instituendi vel exheredandi* был прочно укоренен в римском праве, то почему воин был вынужден обращаться за помощью к центумвирам, а не к претору? К примеру, Валерий Максим приводит ряд случаев, когда отмена завещания происходила *extra ordinem* – распоряжением магистрата (Val. Max. 7.7.5; 7.7.6; 7.7.7) [20].

Видимо, практика центумвирального суда на тот момент была единственным правовым механизмом защиты принципа *sui heredes instituendi vel exheredandi*, который, по мнению И. А. Покровского, «является бесспорным отголоском глубокой старины» [17, с. 511]. В те времена, когда утверждение завещаний происходило на народных собраниях (*testamentum calatis comitiis*), завещания, в которых не было оговорено назначение или, напротив, лишение наследства «своих наследников», народное собрание просто не утвердило бы.

Однако после того как появилось письменное завещание (*tabulae testamenti*), принцип *sui heredes instituendi vel exheredandi* поддерживался исключительно практикой центумвирального суда и только благодаря этой практике был впоследствии закреплён преторским эдиктом, что позволило магистратам в случаях нарушения формального необходимого наследования давать обойденным молчанием наследникам *bonorum possessio contra tabulas* (владение имуществом вопреки завещанию).

Еще большее значение практика центумвирального суда имела при выработке принципов необходимого наследования материального. Выдающиеся отечественные цивилисты И. А. Покровский и Д. Д. Grimm считали, что именно практика центумвирального суда сформировала мысль о праве близких лиц на действительное участие в наследовании [17, с. 514], а значение этой практики в данном вопросе было определяющим, поскольку ни гражданское право, ни преторский эдикт не содержали никаких постановлений на этот счет [22, с. 385–386].

Центумвиральный суд должен был не только определиться с вынесением самих решений, но под эти решения необходимо было еще и сформулировать юридическую аргументацию, на которую суд мог бы опираться. По словам

Марцелла, «признать завещание нарушающим обязанности завещателя – значит указать, почему завещатель не должен был лишиться наследства или обойти в завещании (близкого родственника)» (*Inofficiosum testamentum dicere hoc est allegare, quare exheredari vel praeteriri non debuerit*; пер. А. И. Солопова, И. С. Перетерского; Dig. 5.2.3) [8]. Макс Казер подчеркивает, что в выработке этой аргументации ведущая роль принадлежит римским ораторам [23, S. 710], однако эту аргументацию в юридический принцип своими решения возводит центумвиральный суд.

Завещания, в которых завещатель, без всяких на то веских причин, не оставил близким родственникам никакого имущества, судьи признавали составленными будто бы не в здравом уме (*quasi non sanae mentis fuerunt, ut testamentum ordinarent*; Dig. 5.2.2) [8] и, следовательно, недействительным, поскольку оно противоречило обязанности благочестия (*officium pietatis*) – долгу, вытекающему из родственной любви. Весьма показателен фрагмент сочинения Марцелла из второго титула пятой книги Дигест: «...причем делу придается на суде такая окраска, как будто завещатель, несправедливо составляя завещание, был не в здравом уме» (*resque illo colore defenditur apud iudicem, ut videatur ille quasi non sanae mentis fuisse, cum testamentum inique ordinaret*; Dig. 5.2.5) [8]. Хотя в данном фрагменте речь, скорее всего, идет о частном судье – *apud iudicem*, несомненно, что подобный юридический принцип, который Д. Д. Гримм называет фикцией, изначально был закреплен практикой центумвирального суда, и частные судьи (*iudex unus*) воспринимали решения центумвирального суда в подобных делах как своеобразные прецеденты. Во всяком случае, в этих делах с определенностью можно говорить об установившейся судебной практике и юридической аргументации.

Решения центумвирального суда, по всей видимости, способствовали появлению в праве понятия обязательной доли (*portio debita*; *portio legitima*) и определению ее размера. Как отмечает И. А. Покровский, размер обязательной доли первоначально зависел от свободной оценки суда, а затем, по аналогии с законом Фальцидия (*lex Falcidia*), стал равняться «фальцидиевой четверти» [17, с. 514].

Наряду с формулировкой новых правовых принципов необходимого наследования

материального также под влиянием судебной практики центумвиров в римском праве появилось новое средство судебной защиты – *querella (accusatio) inofficiosi testamenti* (жалоба на противозаконное завещание). Луиджи Ди Лелла напрямую связывает возникновение «жалобы» с легисакционным процессом, причем только с теми делами, в которых завещатель нарушает *officium pietatis* и суд признает наследниками лиц, которым было отказано в наследстве [19, р. 79]. Даниела Ди Оттавио отмечает, что в настоящее время большинство исследователей признают возникновение «жалобы» из практики центумвирального суда [24, р. 2].

Временем появления этой жалобы, видимо, следует считать I в. до н.э., о чем свидетельствует фрагмент сочинения Валерия Максима, в котором рассказывается о том, что городскому претору Гаю Кальпурнию Пизону подал жалобу (*querellam detulisset*) некий Теренций, поскольку один из восьми сыновей, отданный в усыновление, лишил его наследства. Автор сообщает, что претор отдал Теренцию во владение имущество юноши (*bonorum adolescentis possessionem ei dedit*) и не позволил наследникам вчинить иск (*heredesque lege agere passus non est*) (*Egredia C. quoque Calpurni Pisonis praetoris urbis constitutio: cum enim ad eum Terentius ex octo filiis, quos in adolescentiam perduxerat, ab uno in adoptionem dato exheredatum se querellam detulisset, bonorum adolescentis possessionem ei dedit heredesque lege agere passus non est. movit profecto Pisonem patria maiestas, donum uitae, beneficium educationis, sed aliquid etiam flexit circumstantium liberorum numerus, qui cum patre septem fratres impie exheredatos uidebat* (Val. Max. 7.7.5) [20].

Скорее всего, Гай Кальпурний Пизон исполнял обязанности претора в 70 г. до н.э. Обращает на себя внимание то, что претор вынес решение приказом (*constitutio*), т. е. *extra ordinem*, не прибегая к судебному разбирательству. Однако наши источники сообщают следующее: «...если кто-то не является в суд на слушание дела о признании завещания недействительным по причине намерения отказаться (от наследства), то наследство, (на которое претендуют) подающие такой иск, не ограничивается тем самым лишь долей. Поэтому если один из двоих лишенных наследства детей предъявил иск о признании завещания отца нарушающим обязанности завещателя, то несправедливо будет, если он потребует судебным порядком все наследство, потому что при отмене заве-

щания второй (ребенок) тоже призывается к наследованию по закону в тесном смысле. Если предъявивший иск выиграет дело, то он будет действовать на основании судебного решения, как если бы центумвиры в момент объявления (наследодателя) умершим без завещания полагали, что среди живых находится только этот сын» (пер. М. Д. Соломатина; Dig. 5.2.17) (Paulus libro secundo quaestionum. pr. Qui repudiantis animo non venit ad accusationem inofficiosi testamenti, partem non facit his qui eandem querellam movere volunt. Unde si de inofficioso testamento patris alter ex liberis exheredatis ageret, quia rescisso testamento alter quoque ad successionem ab intestato vocatur, et ideo universam hereditatem non recte vindicasset: hic si optinuerit, uteretur rei iudicatae auctoritate, quasi centumviri hunc solum filium in rebus humanis esse nunc, cum facerent intestatum, crediderint) [8]. Из этого фрагмента очевидно, что querella (accusatio) inofficiosi testamenti было судебным средством защиты, которое влекло за собой разбирательство либо в суде центумвиров, либо у частного судьи.

По мнению Ди Оттавио, период с начала I в. до н.э. и до времени жизни Лабеоны – это время, в которое происходит становление «жалобы» как процессуального средства, причем также при участии центумвирального суда. Исследователь рассматривает содержание двух взаимосвязанных фрагментов Дигест: первый – комментарий Яволена к словам Лабеоны «Яволена в 1-й книге “Посмертно изданных” Лабеоны. Отец назначил своего эманципированного сына единственным наследником и (на случай), если он не станет наследником, приказал своему рабу стать свободным и наследником; сын на основании того, что отец был сумасшедшим, требует владение (наследственным) имуществом по закону и таким образом вступает во владение наследством. Лабеоны говорит, что если было доказано, что отец составил завещание находясь в здравом рассудке, то сын является наследником своему отцу по завещанию. Я думаю, что это неправильно: ибо, когда эманципированный сын не хочет, чтобы наследство, данное ему по завещанию, принадлежало ему, оно тотчас переходит к подназначенному, а тот, кто, своевременно не приняв наследство, требует владение (наследственным) имуществом по другому параграфу эдикта, не может считаться действовавшим как наследник. Павел: Прокул также не соглашается с мнением Лабеоны

и принимает точку зрения Яволена» (пер. М. Д. Соломатина; Dig. 29.2.60) (Iavolenus libro primo ex posterioribus Labeonis. Filium emancipatum pater solum heredem instituit et, si is heres non esset, servum liberum et heredem esse iusserat: filius, tamquam pater demens fuisset, bonorum possessionem ab intestato petit et ita hereditatem possedit. Labeo ait, si probaretur sana mente pater testamentum fecisse, filium ex testamento patri heredem esse. Hoc falsum puto: nam filius emancipatus cum hereditatem testamento datam ad se pertinere noluit, continuo ea ad substitutum heredem transit nec potest videri pro herede gessisse, qui, ut hereditatem omitteret, ex alia parte edicti possessionem bonorum petat. Paulus: et Proculus Labeonis sententiam improbat et in Iavoleni sententia est) [8].

Второй фрагмент – мнение Ульпиана: «Разумеется, четверть следует понимать в смысле четверти того, что останется за вычетом долгов и похоронных издержек; но следует рассмотреть, не уменьшается ли (фальцидиева) четверть также отпущением рабов на волю. Так уменьшают ли отпущения рабов фальцидиеву четверть? Дело в том, что если кто-то будет назначен наследником всего имущества, то не сможет предъявить иск о признании завещания недействительным, так как фальцидиеву четверть он получил; что же касается фальцидиевой четверти, то она не уменьшает способности отпускать рабов на волю. Поэтому можно сказать, что получение (фальцидиевой) четверти должно происходить за вычетом отпускаемых на волю рабов. Итак, коль скоро решено, что размер (фальцидиевой) четверти уменьшается отпущениями рабов на волю, то получится, что тот, чье имущество состоит только из рабов, отпуская их на волю, исключает возможность иска о признании завещания недействительным: разве только сын, о котором идет речь, будучи назначен отцом наследником, по понятным причинам не захочет, если не находился под властью отца, принять наследство и, переведя наследство второму наследнику, предъявит иск о признании завещания недействительным или приобретет наследство по закону в тесном смысле, не опасаясь предусмотренного эдиктом наказания» (пер. М. Д. Соломатина; Dig. 5.2.8.9) (Ulpianus libro 14 ad edictum Quarta autem accipietur scilicet deducto aere alieno et funeris impensa: sed an et libertates quartam minuant, videndum est. Et numquid minuant? Nam si, cum quis ex asse heres

institutus est, ideo non potest dicere inofficiosum, quia habet Falcidiam, Falcidia autem libertates non minuit: potest dici deductis libertatibus quartam ineundam. Cum igitur placet quartam minui per libertates, eveniet ut, qui servos tantum habet in patrimonio suo, dando eis libertatem inofficiosi querellam excludat: nisi forte hic filius, si non fuit in potestate, a patre heres institutus merito omittit hereditatem et ad substitutum transmittens querellam inofficiosi instituet, vel ab intestato citra edicti poenam habeat hereditatem) [8].

Опираясь на данные фрагменты, исследователь подчеркивает, что в течение I в. до н.э. «жалоба» только приобретает свою эффективность, связанную с принятием юридической аргументации относительно якобы «безумия завещателя», а полноправным средством защиты она становится только в I в. до н.э. [24, р. 25–35.]. Точка зрения исследователя достаточно аргументирована и с ней трудно не согласиться, тем более принимая во внимание нарочитый консерватизм Лабнона, который в данном случае не хочет принимать новую фикцию о якобы «безумии» завещателя.

Результаты

Все вышеизложенное дает основания полагать, что центумвиральный суд своей практикой оказал значительное влияние на развитие институтов римского права, причем как материального, так и процессуального. Влияние судебной практики центумвиров на развитие римского права в делах о наследстве можно объяснить специфическим правовым положением суда в Риме, которое основывалось на его публичном характере. Суд всегда возглавляли либо магистраты (questores, praetor hastarius), либо лица, наделенные публичной властью в силу своего положения (decemviri in litibus iudicandis, magistratus qui hastae), поэтому в своих решениях по делам о наследстве центумвиры могли действовать, дополняя гражданское право и в некоторых случаях даже исправляя его.

Формулировка новых правовых принципов происходит в судебном процессе, а их закрепление осуществляется путем вынесения центумвирами решений по определенным делам, которые, по всей видимости, имели силу прецедентов и формировали однотипную судебную практику, по крайней мере, в делах о наследстве, связанных с нарушающими нравственный долг завещаниями.

Список литературы

1. Татарников Д. Г. Прецедент в римском праве: основные термины и их содержание // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 106–111. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-1-106-111>, EDN: CUQJKD
2. Voigt M. Ueber die «centumviri, iudices decemviri» und «decemviri litibus iudicandis» // Studi giuridici in onore di Carlo Fadda pel XXV anno del suo insegnamento : in 6 vols. Vol. 1. Napoli : Luigi Pierro, 1906. P. 147–164.
3. Bozza F. Sulla competenza dei Centumviri. Napoli, 1928. 98 p.
4. Luzzatto G. I. Prozedura civile romana. II. Bologna, Zuffi, 1948. 198 p.
5. La Rosa F. Decemviri e centumviri // Labeo. 1958. № 4. P. 14–34.
6. Mommsen T. Abriss des roemischen Staatsrechts. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1982. 304 S.
7. Wlassak M. Centumviri 1 // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. III.2. Heidelberg ; Berlin : J. B. Metzler's Verlag, 1899. S. 1935–1952.
8. Digesta Iustiniani Augusti : in 2 vols. / ed. by T. Mommsen, P. Krüger. Vol. I. Berolini : Apud Weidmannos, 1870. 1140 p.
9. Sexti Pompei Festi. De verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitome / ed. by W. M. Lindsay. Lipsiae : B. G. Teubneri, 1913. 574 p.
10. Pliny. Letters. In two volumes / with an English translation by W. Melmoth ; revised by W. M. L. Hutchinson. London : William Heinemann ; New York : G. P. Putnam's sons, 1927. 444 p.
11. Cicero : in 28 vols. III. De oratore / ed. by E. H. Warmington. Books I–II. With an English translation by E. W. Sutton, completed, with an introduction, by H. Rackham. London : William Heinemann Ltd. ; Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1967. 479 p. https://doi.org/10.4159/DLCL.marcus_tullius_cicero-de_oratore.1942
12. Hausmaninger H. Centumviri // Der Kleine Pauly: Lexikon der Antike : in 5 Bde. / bearb. und hrsg. von K. Ziegler und W. Sontheimer. München : Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. Bd. 1. S. 1109–1111.
13. Quintilian : with an English translation / ed. by H. E. Butler. Vol. 2. Cambridge, Mass. ; London : Harvard University Press ; William Heinemann, Ltd., 1921. 532 p.
14. Римское частное право : учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М. : Юриспруденция, 2002. 442 с.
15. Cicero : in 28 vols. V. Brutus, Orator / with an English translation by G. L. Hendrickson, H. M. Hubbell. Cambridge, Mass. : Harvard University Press ; London : William Heinemann, Ltd., 1971. 538 p.
16. Cicero : in 28 vols. II. De Inventione. De Optimo Genere Oratorum. Topica / with an English translation by H. M. Hubbell. Cambridge, Mass. : Harvard University Press ; London : William Heinemann, Ltd., 1968. 466 p.
17. Покровский И. А. История римского права. СПб. : Торговый дом «Летний сад», 1999. 540 с.

18. Digesta Iustiniani Augusti / ed. by T. Mommsen, P. Krüger. Vol. 2. Berolini : Apud Weidmannos, 1870. 1102 p.
19. Di Lella L. Querela inofficiosi testamenti. Contributo allo studio della successione necessaria. Napoli : E. Jovene, 1972. 279 p.
20. Valerius Maximus. Memorable Doings and Sayings. Vol. 2: Books 6–9 / ed. and translated by D. R. Shackleton Bailey. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2000. 407 p.
21. Gulina G. La cognizione centumvirale generale nel caso del militans di Val. Max. 7.7.1 // Ivris Antiqui Historia. An International Journal of Ancient Law. 2015. № 7. P. 79–113.
22. Грим Д. Д. Лекции по догме римского права : пособие для слушателей. 5-е изд., испр. и доп. Пг. : Гос. типография, 1916. 409 с.
23. Kaser M. Das römische Privatrecht. 2. Aufl. Bd. 1. München : C. H. Beck's Verlagsbuchhandlung, 1971. 880 S.
24. Di Ottavio D. Ricerche in tema di «querela inofficiosi testamenti». Napoli : Jovene editore, 2012. 146 p.
25. Warmington E. H. (ed.) Cicero: in 28 vols. III. *De oratore*. Books I–II. With an English translation by E. W. Sutton, completed, with an introduction, by H. Rackham. London, William Heinemann Ltd., Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1967. 479 p. (in latina). https://doi.org/10.4159/DLCL.marcus_tullius_cicero-de_oratore.1942
26. Hausmaninger H. Centumviri. *Der Kleine Pauly: Lexikon der Antike*: in 5 Bde. / bearb. und hrsg. von K. Ziegler und W. Sontheimer. München, Deutscher Taschenbuch Verlag, 1979. Bd. 1, S. 1109–1111 (in German).
27. Butler H. E. (ed.) Quintilian. With an English translation. Vol. 2. Cambridge, Mass., London, Harvard University Press, William Heinemann, Ltd., 1921. 532 p. (in latina).
28. Novitskiy I. B., Pereterskiy I. S. (eds.) *Rimskoe chastnoe pravo* [Roman private law]. Moscow, Yurisprudentsiya, 2002. 442 p. (in Russian).
29. Cicero : in 28 vols. V. Brutus, Orator. With an English translation by G. L. Hendrickson, H. M. Hubbell. Cambridge, Mass., Harvard University Press; London, William Heinemann, Ltd., 1971. 538 p. (in latina).
30. Cicero. In 28 vols. II. *De Inventione. De Optimo Genere Oratorum. Topica*. With an English translation by H. M. Hubbell. Cambridge, Mass., Harvard University Press; London, William Heinemann, Ltd., 1968. 466 p. (in latina).
31. Pokrovskiy I. A. *Istoriya rimskogo prava* [History of Roman law]. St. Petersburg, Torgovyy dom "Letniy sad" Publ., 1999. 540 p. (in Russian).
32. Mommsen T., Krüger P. (eds.) *Digesta Iustiniani Augusti*. Vol. 2. Berolini, Apud Weidmannos, 1870. 1102 p. (in latina).
33. Di Lella L. Querela inofficiosi testamenti. Contributo allo studio della successione necessaria. Napoli, E. Jovene, 1972. 279 p. (in Italiano).
34. Valerius Maximus. *Memorable Doings and Sayings*. Vol. 2: Books 6–9. Edited and translated by D. R. Shackleton Bailey. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2000. 407 p.
35. Gulina G. La cognizione centumvirale generale nel caso del militans di Val. Max. 7.7.1. *Ivris Antiqui Historia. An International Journal of Ancient Law*, 2015, no. 7, pp. 79–113 (in Italiano).
36. Grimm D. D. *Leksii po dogme rimskogo prava: posobie dlya slushateley* [Lectures on the dogma of Roman Law: A handbook for students]. 5th ed., corr. and suppl. Petrograd, Gosudarstvennaya tipografiya, 1916. 409 p. (in Russian).
37. Kaser M. *Das römische Privatrecht*. 2. Aufl. Bd. 1. München, C. H. Beck's Verlagsbuchhandlung, 1971. 880 S. (in German).
38. Di Ottavio D. *Ricerche in tema di "querela inofficiosi testamenti"*. Napoli, Jovene editore, 2012. 146 p. (in Italiano).

References

Поступила в редакцию 01.11.2024; одобрена после рецензирования 15.11.2024;
принята к публикации 15.11.2024; опубликована 31.03.2025
The article was submitted 01.11.2024; approved after reviewing 15.11.2024;
accepted for publication 15.11.2024; published 31.03.2025